

Поведение как сфера актуализации «повседневности» и «быта»

Т. И. Ерохина

Выполнено по гранту РГНФ № 09-03-00724

Осмысление семиотики поведения как культурологической проблемы актуализируется в статье в аспекте бинарной оппозиции «повседневность»/«быт». Анализируя традиции осмысления повседневности и быта в русской культуре, автор отмечает, что противопоставление повседневности и быта является чертой ментальности русской культуры и находит выражение в художественной культуре и семиотике поведения творческой личности.

Ключевые слова: семиотика поведения, повседневность, быт, ментальность, художественная культура, бинарная оппозиция.

Behavior as a Sphere Update «Everyday» and «Life»

T. I. Yerokhina

Understanding the behavior of semiotics as a Cultural issues actualized in an article in the aspect of a binary opposition «daily»/«life». Analyzing the tradition of thinking about everyday life and everyday life in Russian culture, the author notes that the contrast between everyday life and everyday life is a feature of the mentality of Russian culture and finds expression in artistic culture and semiotics of the behavior of a creative personality.

Key words: semiotics of behavior, everyday life, mentality, art culture, the binary opposition.

В современных культурологических исследованиях, основанных на семиотическом подходе к культуре как системе текстов, всё большее внимание уделяется изучению поведения субъекта культуры как моделирования и транслирования особой системы культурных кодов (Р. Барт, Ю. Лотман, И. Паперно, З. Минц, И. Утехин, У. Эко).

Изучение семиотики поведения может быть актуализировано в аспекте коммуникации, идентификации, мифологизации личности, а также в аспекте осмысления явлений культуры повседневности. Рассмотрение последнего аспекта, на наш взгляд, обусловлено спецификой культурологической трактовки дефиниции «поведение», которая включает в себя соотношение понятий «поведение»/«повседневность»/«быт». Собственно поведение людей, по мнению Ю. Лотмана, организуется противопоставлением обычного, каждодневного, бытового, которое воспринимается как «естественное», единственно возможное, нормальное, и торжественного, ритуального, внепрактического, государственного, культового, обрядового, которое воспринимается как имеющее самостоятельное значение.

В связи с этим необходимо обозначить культурологические основания определения бинарной оппозиции «повседневность»/«быт» в аспекте семиотизации поведения в истории культуры.

Культура повседневности принадлежит к числу наиболее актуальных направлений современного гуманитарного знания. Сформировавшись

как самостоятельное культурологическое направление в 70-80-гг. XX века, культура повседневности стала предметом научного интереса философии, социологии, психологии, истории, литературоведения, искусствоведения и других гуманитарных дисциплин, создав тем самым новое пространство междисциплинарных исследований. В современном гуманитарном знании ещё не выработано единое содержание дефиниции «повседневность» и не определены смысловые границы предмета культуры повседневности.

Методологические подходы к изучению повседневности, обозначение ракурсов изучения повседневности появилось в гуманитарных науках ещё в XIX веке, а в современной науке сложилась культурологическая традиция изучения повседневности.

Существует значительное количество работ, связанных с теоретико-методологическим определением дефиниции «повседневность» и обоснованием ее содержательных параметров и существенных характеристик. Методология изучения повседневности была разработана в европейской науке такими исследователями, как П. Бергер, Ж. Бодрийяр, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф, Э. Гуссерль, Г. Зиммель, Т. Лукман, Г. Маркузе, М. Хайдеггер, А. Шюц. В отечественных исследованиях методология изучения повседневности представлена в работах М. Бахтина, И. Забелина, Л. Ионина, Н. Костомарова, Г. Кнабе, В. Лелеко, Ю. Лотмана, Б. Маркова.

На сегодняшний день сложились определённые научные традиции осмысления феномена повседневности. К наиболее актуальным сферам научных поисков верификации дефиниции «повседневность» и обоснования её содержательных параметров и сущностных характеристик относятся следующие:

- изучение повседневных практик в конкретных научных дисциплинах: *истории* (Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф, И. Данилевский, Г. Кнабе, Н. Костомаров, А. Ястребицкая и др.), *философии* (Э. Гуссерль, Г. Зиммель, Н. Новикова, М. Хайдеггер), *социологии* (П. Бергер, Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё, Л. Ионин, Т. Лукман, Г. Маркузе, А. Шюц), *психологии* (И. Гофман), *семиотике* (Р. Барт, Л. Баткин, Ж. Бодрийяр, С. Бойм, Ф. Бродель, П. Бурдьё, А. Гуревич, И. Данилевский, Л. Ионин, Н. Козлова, И. Кондаков, А. Кребер, В. Паперный, И. Утехин, Й. Хёйзинга);

- исследование социокультурных механизмов культуры повседневности (Н. Козлова, В. Лелеко, Ю. Лотман, Б. Успенский);

- анализ проблем соотношения обыденного знания, мировоззрения и языка (Е. Золотухина-Аболина, И. Касавин, Л. Насонова, М. Хайдеггер, Н. Чулкина, С. Щавелев, А. Щюц);

- определение эстетических принципов повседневной культуры и ее взаимодействия с художественным пространством (М. Бахтин, В. Зверева, М. Козьякова, Н. Маньковская, С. Махлина, Е. Обатнина, Л. Тихвинская); выявление культурных смыслов феноменов и элементов повседневности (С. Бойм, О. Вайнштейн, Г. Почепцов, И. Утехин, А. Ястребов).

Вместе с этим, изучение культуры повседневности по-прежнему остаётся не только актуальной, но и недостаточно изученной в культурологическом аспекте научной проблемой. Объясняется подобная ситуация несколькими причинами. Во-первых, практически отсутствуют комплексные культурологические исследования повседневной культуры, поскольку изучение повседневности имеет, как правило, философский, социологический или – и чаще всего – исторический ракурсы. Во-вторых, недостаточно изучена повседневность в художественном тексте эпохи, поскольку традиционная точка зрения основана на положении, что культура повседневности не включает в себя индивидуальных творений великих людей, как это происходит в специализированных формах культуры (философии, науке, искусстве). И хотя в последнее время появляются монографии, посвящённые культуре повседнев-

ности в контексте художественной культуры (например, Л. Тихвинская), в целом подобные исследования имеют описательный характер.

Подобная ситуация связана, прежде всего, со спецификой предмета изучения – дефиницией «повседневность». В задачи настоящей статьи не входит рассмотрение соотношения понятия «повседневность» с близкими по значению и смыслу понятиями, выработанными философской, социологической и исторической традицией (такими, например, как «чувственное знание» или «жизненный мир»). Важнее отметить, какими именно признаками и свойствами обладает повседневность, конструируя особое пространство культуры.

«Повседневность, повседневная жизнь — процесс жизнедеятельности индивидов, развертывающийся в привычных общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий» (Л. Ионин).

Культура повседневности представляет собой образ жизни и мышления людей данной социальной общности и исторической эпохи и складывается из нравов, обычаев, верований, привычек, сознания и поведения, способов мировосприятия и картины мира в целом, ставших коллективным достоянием классов, сословий, наций в целом на определенном этапе их исторического развития.

Повседневность обладает рядом таких признаков, как нерелективность, массовый, коллективный характер, непосредственность переживаний, повторяемость видов деятельности, оформленность в виде норм, традиций, стереотипность поведения и мышления, ориентированность на практическую сторону жизни, динамичность.

Сфера повседневности чаще всего рассматривалась как сфера утраты человеком своего авторства, модель жизни, необходимая в качестве антитезы иной ценностно-смысловой жизни, иному миру (Н. Новикова). В философской традиции повседневность противопоставляется досугу и празднику, специализированным формам деятельности, идеалу, остроте переживаний и т. п. (Г. Зиммель). Таким образом, в контексте изучения культуры повседневности значимым становится соотношение понятий «повседневность» и «быт».

Осмысление бинарности дефиниций «повседневность» и «быт» изначально задаётся спецификой изучения культуры повседневности. Повседневность и быт имеют общие группы источников, к которым относится, прежде всего, «сис-

тема вещей» (Ж. Бодрийяр). Социокультурное пространство повседневности конструируется тремя уровнями (Н. Новикова), первым из которых является пространство быта, предметного мира. Кроме того, в русском языке слово повседневность определяется как *быт*, жизненный уклад.

В контексте осмысления культуры повседневности понятия «быт» и «повседневность» традиционно воспринимаются как если не тождественные, то как синонимичные и соотносятся как частное с общим. Исследователи отмечают, что дифференциация образов жизни закрепляется в предметности обыденных (повседневных) отношений. Каждый субъект определяет полноту образа жизни следующими составляющими: *обыденное (каждодневное) на уровне быта*, семьи, связанное с разнообразными уровнями осмысления, а также *повседневное*, связанное с профессиональной деятельностью, с повышенным творческим духом, когда обыденное как бы уходит на второй план, заменяется оценочно-сущностными, смысловыми категориями. В этом контексте возникает различие характеристик человека обыденного и человека повседневного: «Первый отличается однообразным набором стереотипов (как в самом поведении, так и в его осмыслении), избранных для решения повторяющихся жизненных проблем. Второго, прежде всего, отличает профессиональная этика, принятая в том или ином сообществе, уровень внутренних и постоянно меняющихся внешних взаимоотношений...» (Н. Новикова). По мнению С. Бойм, «археология повседневности изучает пограничные зоны между бытовым и идеологическим, повседневным и эстетическим».

Но понятие «быт» в русском языке имеет и дополнительный смысл, связанный с этимологическим значением этого слова. Быт – производное от общеславянского «быти» в значении «становиться, расти, существовать». И именно эта интерпретация слова «быт» становится наиболее значимой для культурологического знания.

Так, С. Бойм в монографии «Общие места: Мифология повседневной жизни», ссылаясь на статью Р. Якобсона «О поколении, растратившем своих поэтов», отмечает, что понятие «Быт» непереводаемо не европейские языки, так как «только в русской культуре существовало противостояние быту, воплощённое в понятии бытие. От философов-символистов до структуралистов русская культура описывалась как культура, основанная на противостоянии быта и бытия, кото-

рое в разное время определялось как духовное, поэтическое и революционное».

Ю. Лотман и Б. Успенский писали в своих работах, что в русской культуре отсутствует «промежуточное пространство» – то самое пространство повседневности. Следовательно, понятие «личной жизни» – все сферы жизни, которые в европейском (французско-английском) контексте были нейтральными, в русском контексте стали ощущаться наигранными, театрализованными и неискренними.

Г. Гачев определяет места, где и когда протекает повседневная жизнь, как «инварианты бытия», отмечая, что специфические локальные пространства включают в себя как сознательные, так и бессознательные элементы, что формирует сложную систему *повседневного Бытия* (курсив мой – Т. Е.). И в таком случае повседневность становится подсистемой Бытия.

Противопоставление повседневности и быта, по-видимому, можно определить как особую черту ментальности русской культуры, нашедшую наиболее яркое выражение в русской художественной культуре (прежде всего литературе).

Повседневность в сознании русского писателя противоречива: аморфная и неформальная, она, тем не менее, создаёт условия для сохранения форм и формальностей, олицетворяя одновременно и спонтанность, и застой.

Повседневность некатастрофична. Она как бы противостоит историческому повествованию о смерти, несчастье и апокалипсисе. Похоже, что у повседневности отсутствует как начало, так и конец. «В быту мы не пишем каждый день романов, а в лучшем случае ведём дневник, который чаще всего путано внеисторичен. В этих дневниках драмы нашей жизни не заканчиваются...» (С. Бойм).

В то же время *быт* воспринимается негативно. «Борьба с пошлостью и бытом определяет русский характер. <...> Пошлость видится как профанация самой традиции, превращение общих мест культурной памяти в простые клише. <...> Со времени романтизма повседневность часто видится как “пошлость жизни”, застой и повторение, лишённые какого бы то ни было трансцендентного или поэтического смысла. Такова, конечно, повседневность с точки зрения поэтов и интеллигентов, которые часто говорили от имени “маленького человека”, но не так часто его слушали» (С. Бойм).

Быт определяется как смерть, отсутствие жизни и творчества: «Жизнь – события, а быт – лишь

вечное повторение, укрепление, сохранение этих событий в отлитой, неподвижной форме. Быт – кристаллизация жизни» (З. Гиппиус). В этом аспекте показателен и критический анализ художественных произведений (русской реалистической литературы, прежде всего) сквозь призму отношения к быту и восприятия его. Именно с этих позиций З. Гиппиус обращается к творчеству Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова, утверждая, что у Ф. М. Достоевского вообще нет быта, только события, слишком беспорядочные, неправильные для того, чтобы сформировать определённый быт. А быт А. П. Чехова – настоящий, размеренный, уничтожающий, быт, который А. П. Чехов любил, знал, томился им и ненавидел его. Быт для З. Гиппиус настолько страшен, что приобретает мистическое звучание – он не создаётся людьми, а «рождается сам», из колеса быта почти невозможно вырваться, он затягивает и убивает, «затирает личность».

Быт имеет право на существование в русской культуре в двух векторах своего воплощения. Либо в контексте «отрицания»: утверждение осознанной установки на «безбытность», будь то романтические, декадентские или советские установки на «презирание» быта, отказ от бытового существования во всех его возможных проявлениях ради достижения идеального мира. Либо в контексте утверждения нового быта, противопоставленного прежнему, неистинному, повседневному быту, воплощение чего мы обнаруживаем в тех же культурных проектах, что и ранее: романтизм, символизм, советская культура. В этом случае быт эстетизируется, обретает новые свойства и качества, которые по сути своей ставят под сомнение традиционное наполнение дефиниции «быт», так как приводят к мифологизации повседневности и моделированию быта в контексте жизнетворчества. Культура повседневности, в свою очередь, обретает дополнительные коммуникативные функции.

Культурное пространство, создаваемое человеком, получает самостоятельное существование. Оно имеет своё строение, функции, динамику: воплощает образную модель действительности, выступает как модель Вселенной данной культуры. «Погружённый в культурное пространство человек неизбежно создаёт вокруг себя организованную пространственную среду» (Ю. Лотман).

Человек в процессе жизнедеятельности создаёт неповторимый текст культурного простран-

ва, который становится текстом культуры повседневности. И это культурное пространство, как специфический текст, всегда несёт в себе несколько сообщений: воспроизводит глубокие культурные смыслы, раскрывает ценности культуры. Таким образом, отношение к повседневности и быту наиболее ярко проявляется именно в семиотике поведения личности.

Особенно значимым становится обращение к семиотике поведения в контексте тех периодов отечественной и зарубежной культур, которые ориентированы на «жизнетворчество» и связаны, прежде всего, с рубежными или переходными эпохами в истории культуры: романтической (рубеж XVIII–XIX вв.) и символистской (рубеж XIX–XX вв.).

Библиографический список

1. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
2. Бойм, С. Общие места: Мифология повседневной жизни [Текст] / С. Бойм. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 320 с.
3. Гачев, Г. Национальные образы мира [Текст] / Г. Гачев. – М.: Академия, 1998. – 432 с.
4. Гиппиус, З. Дневники [Текст] : в 2 кн. Кн. 1 / З. Гиппиус. – М.: НПК «Интелвак», 1999. – 736 с.
5. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни [Текст] / И. Гофман. – М.: Канон-пресс, 2000. – 304 с.
6. Зиммель, Г. Избранное [Текст] / Г. Зиммель. – Том 2. Созерцание жизни. – М.: Юрист, 1996. – 607 с.
7. Ионин, Л. Повседневность [Текст] / Л. Ионин // Культурология. XX век: энциклопедия. Т. 2. – СПб.: Университетская книга, 1998. – 447 с. – С. 122–123.
8. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) [Текст] / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 1994. – 399 с.
9. Лотман, Ю. М. История и типология русской культуры [Текст] / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 2002. – 768 с.
10. Новикова, Н. Л. Повседневность как феномен культуры [Текст] / Н. Л. Новикова. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2003 – 120 с.
11. Тихвинская, Л. Повседневная жизнь театральной богемы Серебряного века: Кабаре и театры миниатюр в России. 1908–1917 [Текст] / Л. Тихвинская. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 527 с.
12. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: Очерки по феноменологической социологии [Текст] / А. Шюц. – М.: Б/и, 2003. – 334 с.